

РОССИЯ 1990-х годов: НЕДОРАЗВИТОСТЬ ЧЕРЕЗ УПАДОК ИЛИ РАЗВИТИЕ ЧЕРЕЗ СПАД?

Размышления над книгой
«Экономические субъекты
постсоветской России
(институциональный
анализ)»

Ю.В. ЛАТОВ

кандидат экономических наук, доцент,
Тульский филиал Юридического институ-
та МВД РФ

В статье рассматриваются основные типы перехода от одной социально-экономической системы к другой с точки зрения сочетания элементов качественного развития и количественного роста. На основе обобщения исторических фактов сделан вывод о возможности качественного развития в условиях спада количественных индикаторов хозяйственной жизни. Далее на материалах коллективной монографии «Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)» автор статьи выделяет основные критерии социально-экономического развития индивидов, фирм и государства, после чего рассматривает, можно ли говорить применительно к России 1990-х гг. о развитии или о нарастании недоразвитости. Сделан вывод об абсолютном преобладании в «ельцинской» переходной экономике негативных тенденций качественного развития и намечены подходы к дальнейшему изучению данной проблемы.

© Латов Ю.В., 2003

КОГДА В КОНЦЕ 1980-х гг. начинались экономические реформы, то ожидалось, что переход от командной экономики к рыночной позволит добиться как качественной модернизации экономики, так и ускорения экономического роста. Качественное обновление и количественный рост представлялись процессами, неразрывно связанными друг с другом. Никто не мог вообразить, что спустя десятилетие реформ экономические показатели СССР 1990 г. будут восприниматься в постсоветской России примерно так же, как уровень России 1913 г. в Советской России 1920-х гг. Такова же (если не еще хуже) ситуация и в большинстве других постсоветских государств. Затяжной и глубокий спад в процессе перехода от одной социально-экономической системы к другой становится проблемой, требующей теоретического осмысления.

ТИПЫ ПЕРЕХОДНЫХ ПРОЦЕССОВ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Теория социально-экономических систем, призванная объяснить неожиданную траекторию эволюции постсоветской России, должна рассматриваться как частный случай общей теории систем — синергетики, разрабатываемой с 1960-х гг. И. Пригожиным и другими исследователями¹. Ранее исполь-

¹ См., например: [1; 2]. Теория синергетики родилась на основе обобщения данных естественных наук, но затем она стала заслуженно претендовать на объяснение закономерностей эволюции *любых* систем — и общественных в том числе. Проникновение идей синергетики в экономическую теорию продолжает давнюю традицию влияния на нее парадигм естественно-научного знания: так, таблица Ф. Кенэ базировалась на аналогии с кругообращением крови в организме человека, а модель равновесной цены — на равновесном подходе классической механики.

зование идей синергетики в экономических исследованиях осуществлялось в рамках анализа рыночной системы хозяйства (в основном при изучении циклических колебаний). Для понимания же макротенденций (формационных или цивилизационных) общественного развития синергетический подход пока еще практически не применялся.

До сих пор обществоведы обращали основное внимание на устойчивые состояния в развитии общества — будь то цивилизации или формации. Однако современная ситуация в России заставляет обратить особое внимание на моменты перехода от одной стабильной общественной системы к другой. Одним из важных направлений использования идей синергетики в теории социально-экономических систем должно стать истолкование процесса перехода от одной системы к другой как бифуркационного.

В теории синергетики одними из ключевых понятий являются категории «аттрактор» и «бифуркация». Первым понятием обозначают процессы стабильного и устойчивого линейного развития какой-либо системы, отклонения от которого незначительны и малосущественны. Переход из одного системного состояния в другое системное состояние (от одного аттрактора к другому) может быть жестким и однозначным (превращение воды в пар при нагревании), а может — многовариантным и случайным (возникновение новых видов под влиянием изменения природных условий). Бифуркация — это ситуация, когда выбор одного из многих возможных вариантов дальнейшего развития происходит либо чисто случайным образом, либо под влиянием мельчайших воздействий со стороны окружающей среды или внутренних особенностей самой системы, совершенно не существенных в обычных условиях. После выбора одной из траекторий развитие становится необратимым, и вернуться назад в точку бифуркации, чтобы выбрать иную

траекторию развития, уже невозможно. Именно так, например, часто происходит естественный отбор в природе: на «вызов» окружающей среды биологические виды дают «ответ» расщеплением старых видов на несколько новых, демонстрирующих разные формы приспособления к изменившимся условиям.

Согласно традиционным представлениям о переходных процессах в обществе переход от одной системы к другой носит однозначно прогрессивный и монолинейно-детерминированный характер (рис. 1): при увеличении опреде-

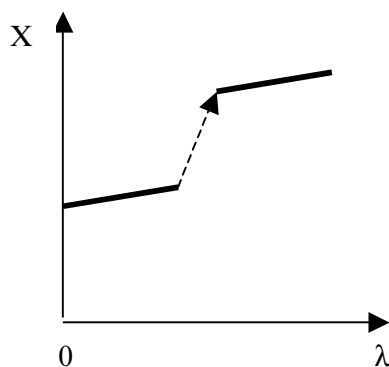

Рис. 1. Монолинейная траектория развития

ляющего параметра λ (в марксистской теории — это уровень производительных сил) определяемый показатель X (уровень производственных отношений) также растет, причем определенному значению λ соответствует строго определенное значение X . Такая парадигма особенно характерна для марксистского обществоведения, многие постулаты и аксиомы упрощенной версии которого (особенно те, которые подразумеваются «само собой») продолжают довлеть над умами российских ученых.

Между тем синергетическая теория, обобщая опыт естественных наук, рассматривает такую траекторию эволюции лишь как частный случай процессов перехода от одного аттрактора (устойчивого состояния) к другому [1, с. 216—228]. Наряду с монолинейной траекторией возможна и ситуация развилки

(рис. 2), когда после точки бифуркации (точка А) дальнейшее развитие системы может пойти по разным путям (на рисунке — как по верхней, так и по нижней траектории).

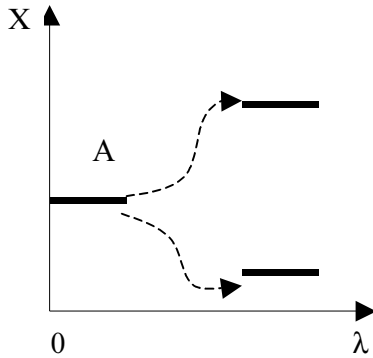

Рис. 2. Бифуркационное развитие (А — точка бифуркации)

Можно ли по аналогии с классическими синергетическими моделями переходных процессов построить модели, показывающие пути развития общественных систем? Для ответа на этот вопрос обратим внимание, как реально соотносились в процессах смены формационных общественных систем¹ количественные и качественные изменения, рост (growth) и развитие (development).

В истории общества есть важные переходные периоды, в течение которых происходил переход от одной системы к другой. Наиболее известные из них — переход от античности к средневековью (от рабства к феодализму) и от средневековья к Новому времени (от феодализма к капитализму). Мир в это время не просто «менял кожу», но превращался, фигурально выражаясь, «из гусеницы в бабочку».

Если проанализировать, как происходила смена эпох в разных странах и в

разных регионах, то можно выделить несколько моделей перехода, используя в качестве критерия классификации соотношение процессов развития (качественных изменений) и роста (изменений количественных). Эти модели легко изображать графически, откладывая по горизонтальной оси количественные изменения (рост или спад, упадок), а по вертикальной — изменения качественные (развитие либо недоразвитость).

Вариант № 1: *развитие через рост* (рис. 1). Эта модель считается хрестоматийной, но в чистом виде она наблюдалась не так уж и часто. Даже при генезисе капитализма в Западной Европе такая траектория встречается лишь у некоторых стран первого эшелона (Англия, Франция, Голландия, Швейцария). А при генезисе феодализма в той же Западной Европе этот путь эволюции прослеживается лишь на варварской периферии (например, в Скандинавии).

Вариант № 2: *развитие через спад* (рис. 3). Наиболее ярким примером подобной эволюции является, конечно, раннесредневековая Западная Европа. С одной стороны, в III—X вв. по всей территории Западной Римской империи происходили натурализация хозяйства, падение численности населения, упадок

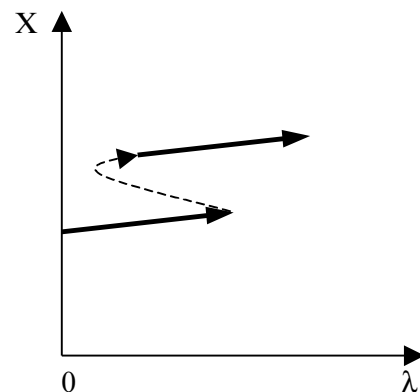

Рис. 3. Развитие через спад

городов. С другой стороны, именно в это время рождается новый человек, рассматривающий труд уже не как презренное занятие рабов, а как средство

¹ Следует подчеркнуть, что хотя в 1990-е гг. формационный подход в нашей стране заметно уступил в степени популярности (особенно среди историков) цивилизационным концепциям, он все же остается элементом устойчивого «ядра» современного обществоведения.

самовыражения личности. Это новое качество «человеческого фактора» позволило в конце концов превзойти хозяйственные и культурные достижения античности, но отнюдь не сразу. Примеры такой эволюции заметны и в истории Западной Европы Нового времени, где объединению и подъему Германии и Италии в XIX в. предшествовали столетия их разорения и раздробленности в XVI—XVIII вв. Практически универсальной подобная модель эволюции стала для колониальных стран, где на первых порах после их завоевания наблюдались массовое вымирание населения, упадок ремесел и запустение обрабатываемых земель и только с течением времени начинался экономический подъем.

Во всех перечисленных примерах создание предпосылок для роста в долгосрочной перспективе происходило в процессе ощутимой среднесрочной деградации, когда значительная часть общественного богатства (материального и культурного) просто уничтожалась, «стиралась».

Вариант № 3: *недоразвитость через рост* (рис. 4). Бывает и так, что за фасадом блестящего экономического подъема скрывается накопление консервативных качественных тенденций,

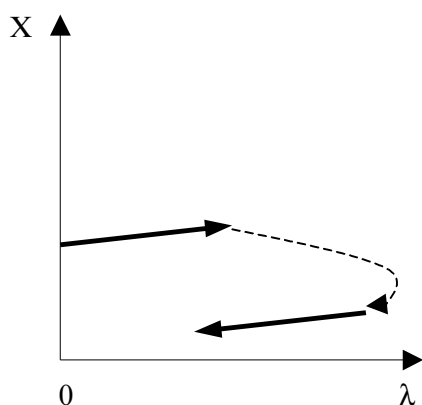

Рис. 4. Недоразвитость через рост

приводящих с течением времени (но отнюдь не сразу) и к количественному регрессу. Наиболее уместным примером будет история стран Иберийского полуострова: в начале XVI в. короли Испа-

нии и Португалии делили между собой весь еще неоткрытый Новый Свет, посылая за новыми землями и золотом одну экспедицию за другой, а уже к концу XVII в. эти страны превратились в захолустье Европы. Не менее известен пример регенерации рабовладельческой хозяйственной системы в Америке XVI—XIX вв.: развитие капиталистической торговли привело к возрождению плантационного рабства, ужасы которого превзошли античную эпоху; произведенное тогда разрушение человеческого и социального капитала продолжает сказываться и в наши дни.

Такая модель особенно коварна — общество оказывается в ловушке, поскольку в рациональной погоне за сиюминутными успехами оно совершает действия, губительные в долгосрочной перспективе. Этот вариант, в сущности, промежуточен — вслед за недоразвитостью через рост идет недоразвитость через упадок.

Вариант № 4: *недоразвитость через упадок* (рис. 5). Возможны, наконец, ситуации, когда качественный регресс и количественная деградация идут рука об руку. Это характерно в первую очередь для периферийных обществ, оказавшихся под мощным давлением бо-

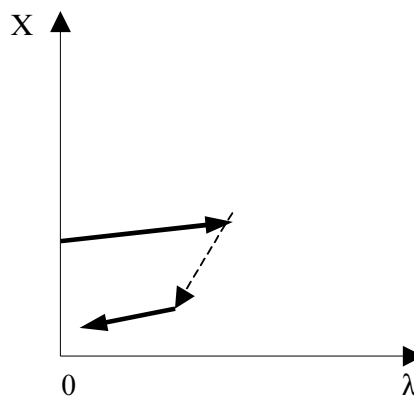

Рис. 5. Недоразвитость через упадок

лее могущественных соседей и не нашедших сил дать достойный «ответ» на сильный внешний «вызов». Яркий пример такой эволюции — Китайская империя XVIII—XIX вв., пережившая «опиум-

ные войны», опустошительные восстания и совершенно неудачные попытки реформирования «сверху».

На рис. 6 сведены воедино все четыре альтернативные траектории эволюции общества в переходные эпохи. Мы получили простейшую модель бифуркационных процессов в развитии

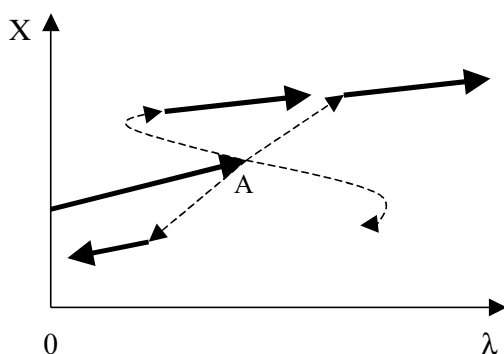

Рис. 6. Типы переходных процессов (общая схема)

общества. Точка А — это бифуркационная точка, в которой происходит выбор дальнейшей траектории социально-экономической эволюции.

КАК ИСКАТЬ ОТВЕТ НА ВОПРОС, КУДА ТЕЧЕТ «РЕКА ВРЕМЕН»

Таким образом, та ситуация, которая наблюдается в современной России, вовсе не обязательно должна быть поводом для априорного плачевного вывода о провале реформ, якобы все разрушивших и ничего не создавших. Да, действительно, количественные показатели говорят о резком спаде за последнее десятилетие — в полтора, два и более раз. Задача исследователя заключается в том, чтобы трезво и без паники выяснить, по какой модели происходит эволюция — наблюдается ли недоразвитость через упадок (вариант № 4) или развитие через спад (вариант № 2), происходит ли «творческое разрушение» (как назвал это явление Й. Шумпетер) или «потеря старого мира без создания нового» (по К. Марксу).

Вопрос, наблюдается ли в экономике рост (подъем) или спад (упадок), является в конечном счете техническим — для его решения необходимы «всего лишь» надежная статистика и эффективные приемы ее анализа. С анализом развития ситуация гораздо более сложна, поскольку здесь в принципе не может быть каких-либо раз и навсегда заданных количественных критериев. Общеизвестно, казалось бы, что индустриальное общество (капиталистический способ производства, если пользоваться марксистской терминологией) — это общественный строй, в котором подавляющее большинство населения занято в промышленности. Между тем, например, во Франции доля промышленного пролетариата в экономически активном населении никогда не превышала 40 %¹, что не мешает нам рассматривать эту страну как один из классических примеров развития индустриального общества.

Поэтому в поисках ответа на вопрос, наблюдается ли развитие в данной стране в данный период времени или нет, исследователь вынужден обращать основное внимание на институциональные параметры хозяйственной жизни, не выражаемые однозначно в цифрах.

Институциональные параметры экономики образуют, как известно, два класса:

а) *формальные* — юридические «правила игры»; формы работы государственных учреждений, следящих за соблюдением этих правил; организационные структуры и формы деятельности негосударственных официальных объединений;

б) *неформальные* — этические правила и нормы, на которые ориентируются люди в своей повседневной жизни;

¹ См., например: [3–6]. Следует обратить внимание, что при подведении «предварительных итогов» развития постсоветской России речь должна идти именно о «ельцинском» периоде (1992–2000 гг.), который уже завершен и на который уже можно смотреть с некоторой дистанции.

структуры и формы деятельности различных неформальных объединений.

Следовательно, именно изменение этих институтов постсоветской России и их влияние на основных субъектов хозяйственной жизни — домохозяйства, фирмы и государство — должны стать главным объектом исследований отечественных экономистов, пытающихся постичь общую логику хозяйственного развития прошедшего десятилетия. Только институциональный анализ позволяет понять, наблюдались ли в экономике развитие или деградация.

Исследователями переходной экономики, отечественными и зарубежными, сделано уже немало попыток создать целостный образ тех изменений, которые происходили в «ельцинской» России в 1990-е гг. [7, с. 242]. Тем не менее комплексный институциональный подход к этой проблеме определенно еще не сформировался.

Первой в нашей стране попыткой комплексного анализа институциональных процессов в постсоветской экономике «ельцинизма» следует считать опубликованную в первый год нового столетия коллективную монографию «Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)» [8], созданную коллективом экономистов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Ростова-на-Дону и ряда других городов. Эта книга стала результатом уникального опыта по организации эффективного научного Интернет-коллектива — «Виртуальной мастерской Р.М. Нуреева», в которой совместно трудились экономисты и социологи разных городов России, общаясь друг с другом в основном по электронной сети¹.

¹ Среди участников этого многообещающего проекта были такие известные экономисты и социологи, как А.В. Алексеев, Н.А. Кравченко, М.Ю. Малкина, М.А. Шабанова и др. — всего 22 человека. Автор данной статьи также был участником этого проекта, организованного Московским общественным научным фондом.

Главной целью исследований авторов этой коллективной монографии как раз являлся, в конечном счете, поиск ответа на вопрос, какие институциональные изменения преобладали в постсоветской России 1990-х гг. — приближающие нас к постиндустриальному обществу или отдаляющие от него, прогрессивные или регрессивные. Однако, как это часто бывает, некоторые наиболее общие (и наиболее важные) выводы нашли в этой книге, как нам кажется, недостаточно полное отражение. Чтобы лучше понять ответ «виртуальных мастеровых» на вопрос, куда же зашла постсоветская Россия, попробуем показать картину «леса», который сложился из описанных в монографии «деревьев».

Трехчастная структура этой книги¹ была продиктована следующими теоретическими соображениями.

Прогрессивный вектор экономической эволюции современной России, как считают авторы монографии, задают все те институциональные изменения, которые способствуют переходу от индустриального общества командного типа к смешанной экономике постиндустриального общества. Речь идет прежде всего о следующих процессах:

а) *на уровне домохозяйств* — формирование работника нового типа, не исполнительного «человека-винтика», а инициативной творческой личности;

б) *на уровне фирмы* — формирование устойчивых самостоятельных организационных структур, способствующих снижению трансакционных издержек в производственном процессе;

в) *на уровне государства* — формирование эффективных механизмов спецификации и защиты прав собственности.

Соответственно регрессивными следует считать любые институциональные

¹ Часть I — «Домохозяйства современной России», часть II — «Фирмы в постсоветской экономике», часть III — «Государство в современной России».

изменения, отдаляющие формирование подобного работника, таких организационных структур и соответствующего государственного механизма (см. табл.).

При исследовании результатов экономического развития России 1990-х гг. необходимо учитывать, что изменения формальных и неформальных институ-

Институциональные изменения в России переходного периода

Характеристики субъектов переходной экономики	Исходное состояние	Изменения	
		Ожидаемые в ходе реформ	Реально произошедшие в 1990-е гг.
<i>Домохозяйства</i>			
<i>Тип работника</i>	«Работники-винтики» – исполнительные и безынициативные	Формирование работника нового типа – креативного и инициативного	«Люди-улитки», заботящиеся только о самовыживании
<i>Способность к самоорганизации</i>	Неспособность к самоорганизации	Создание гражданского общества	Атомизация общества
<i>Трудовое поведение</i>	Труд как обыденный образ жизни, отчуждение от труда	Труд как средство самореализации личности, преодоление отчуждения от труда	Труд как средство выживания и максимизации дохода, усиление отчуждения от труда
<i>Инвестиционное поведение</i>	Почти отсутствует	Стратегия развития	Стратегия выживания
<i>Структура общества</i>	Преобладание «советского» среднего класса	Доминирование «рыночного» среднего класса	Доминирование «потенциального среднего класса»
<i>Фирмы</i>			
<i>Наличие фирм как самостоятельных субъектов</i>	Отсутствие легальных фирм, развитие протофирм в теневом секторе	Формирование самостоятельных легальных фирм	Формирование квазифирм, тесно связанных с властными структурами
<i>Субъективизация руководства</i>	Власть номенклатуры (государственных бюрократов)	«Революция менеджеров», демократизация собственности	«Экономика физических лиц», «экономика инсайдеров»
<i>Взаимоотношения менеджеров и наемных работников</i>	Обоюдная личная зависимость	Отношения социального партнерства	«Экономика патернализма» с односторонней личной зависимостью
<i>Механизм обмена</i>	Плановый	Денежные расчеты через банки	«Экономика бартера»
<i>Доверие к партнерам</i>	Не требуется	Презумпция доверия	«Экономика недоверия»
<i>Отношения конкуренции</i>	Предотвращение конкуренции	Развитие конкуренции	«Экономика олигополии» – подавление конкуренции
<i>Защита прав собственности предпринимателей</i>	Осуществляется только криминальными структурами	Монополия государства на правоохранительную деятельность	«Экономика рэкета» – плюралистическая система правоохранительной деятельности
<i>Государство</i>			
<i>Отношения с обществом</i>	Диктат государства над обществом	Государство на службе обществу	Отчуждение государства от общества
<i>Распределительная деятельность</i>	Активное перераспределение ресурсов и доходов	Минимизация перераспределительных функций	«Государство всеобщего перераспределения» – более масштабного, чем в СССР
<i>Производительная деятельность</i>	Монополия государства на легальную хозяйственную деятельность	Минимизация прямого государственного вмешательства в экономику	«Государство тотального рентоискательства» – использование государства для производства ренты

тов происходят существенно по-разному. Формальные меняются дискретно, неформальные — непрерывно. Кроме того, формальные институты изменяются в процессе сознательного институционального конструирования, неформальные — спонтанно. Для изучения постсоветской России принципиально важно также, что эти изменения могут идти в различных направлениях — не только сонаправленно, но и *контрнаправленно*. Поэтому особое внимание при этом надо обращать на институты неформальные, которые труднее фиксируются, но гораздо сильнее «укоренены». Исторически, при переходе от античности к феодализму и от феодализма к капитализму авангардную роль играли именно неформальные институты (идеология христианства в первом случае и идеология сначала протестантизма, а потом либерализма во втором), «подтягивая» затем за собой более «неповоротливые» формальные институты.

Если на уровне хотя бы неформальных институтов постсоветской России мы заметим позитивные сдвиги, это будет доказательством в пользу концепции «развития через спад» (даже если на уровне формальных институтов позитивных сдвигов еще нет). Напротив, если таких изменений не будет отмечено, то придется склониться к версии «недоразвитости через упадок».

Какие же выводы можно сформулировать по итогам работы членов «Виртуальной мастерской Р.М. Нуреева»? Рассмотрим по книге «виртуальных мастеровых» картину важнейших институциональных изменений в функционировании трех экономических субъектов постсоветской России 1990-х гг. — домохозяйств, фирм и государства¹.

¹ В последующих разделах излагаются в обобщенной форме только выводы создателей коллективной монографии «Экономические субъекты постсоветской России» без пересказа их аргументов. За формулировки выводов несет ответственность автор данной статьи.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ: НЕРЫНОЧНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К РЫНКУ

Субъектами хозяйственной деятельности низшего уровня являются домохозяйства — индивидуальные или семейные. Именно здесь в первую очередь создается и накапливается «человеческий капитал», основа «богатства народа».

Современные россияне перестали быть «винтиками» принудительно навязанной им общественной системы — прежде всего потому, что развалилась та «машина», «винтиками» которой они были долгое время. Однако новый тип личности работника, соответствующий требованиям эпохи НТР, как доказывают авторы книги «Экономические субъекты постсоветской России», также еще не сформировался.

Когда «прорабы перестройки» начали радикальные экономические реформы, то они сознательно или бессознательно ориентировались, конечно, на индивидуалистическую американскую модель. Только так можно объяснить их подчеркнутое безразличие и даже неприязнь ко всем формам и проявлениям социального коллективизма — к профсоюзам, к трудовым коллективам, к системам социальной защиты и т.д. После того как профсоюзы внесли весомую лепту в дискредитацию горбачевского режима, новые правители России «в благодарность» постарались о них забыть, в результате чего профсоюзы в лучшем случае превращаются в социальные отделы, а в худшем просто вымирают. Что касается государственной социальной защиты, то ее уподобляют социальному иждивенчеству, и нищенские размеры пособий ельцинских времен убедительно показывают, что власть имущие не были намерены облегчать жизнь этим «иждивенцам».

Общераспространенной моделью жизни становилось поэтому стремление

(сознательное или бессознательное) «переждать ненастье», «дождаться лучших времен». Люди планировали свою жизнь не на десятилетия, а в лучшем случае на месяцы вперед, не будучи уверены в завтрашнем дне. Перестав быть «работниками-винтиками», россияне превращались в «людей-улиток», желающих только сохранения своего старого уютного очага и рассматривающих внешний мир в основном как источник угроз и опасностей¹.

Лишившись членства в старых коллективах и не имея ни навыков, ни возможностей создавать новые, россияне оказались «брошены в рынок» как котят в речку. Каждый «барахтается» самостоятельно, реальна лишь помощь со стороны родственников и близких знакомых, да и то не всегда. Внезапное превращение общества, для которого характерна высокая степень коллективизма, в *атомарную «толпу одиноких»* ввергала людей в состояние шока и аномии. Они теряли привычные жизненные ориентиры и не находили новых.

Изменения в хозяйственной деятельности домохозяйств, что происходили в России в 1990-е гг., также трудно считать позитивными. Домохозяйства имеют две экономические функции: они, во-первых, являются источником трудовых ресурсов, а во-вторых, играют роль важного инвестора, так как от них зависит распределение личных инвестиционных ресурсов между разными видами потребления и накопления. Как же они выполняли эти функции?

Что касается трудового поведения, то в 1980-е гг. ожидалось, что на смену советскому отчуждению от труда наконец-то придет свойственное эпохе НТР отношение к труду как к средству самореализации творческой личности. Реалии 1990-х гг. оказались совсем иными: в условиях резкого снижения жизненного уровня *работа* ценилась прежде всего *как средство заработ-*

ка, труд же рассматривался не как самоценность, а *как средство выживания*. Добывание жизненных средств при этом проявлялось не столько в активизации активности на рынке труда, сколько в натурализации домашней экономики (огородничество плюс соседско-родственная взаимопомощь)¹.

Если отношение к труду в ельцинской России примерно соответствовало раннеиндустриальной эпохе, то инвестиционное поведение архаизировалось едва ли не до первобытного уровня. Хотя россиянин 1990-х гг. имел гораздо более богатые возможности, чем десятилетие назад, — товарный дефицит ликвидирован, появились небывалые ранее товары (ценные бумаги, коммерческое образование), однако воспользоваться ими большинство не могло из-за отсутствия финансовых «излишков». «Падение доходов и обесценение сбережений, — отмечается в монографии, — инициировали не активизацию деятельности по их восстановлению, а попытки обойтись без них» [8, с. 219]. Произошла регенерация первобытного принципа «из руки в рот» — немедленно потреблять (проедать), не ломая голову над заботами о туманном будущем. В инвестиционном поведении домохозяйств, таким образом, *близорукая стратегия выживания* возобладала над стратегией развития².

Долгожданный «рыночный» средний класс — общность сознающих свое единство образованных людей с высокими устойчивыми доходами, умеющих коллективно защищать свои интересы, — так и не сложился. Советские средние слои рассыпались на немногочисленный бизнес-класс (внутри которого есть совсем малочисленные «новые русские») и многочисленных «новых бедных», чувствующих себя не столько потенциальным средним классом, сколько «верхушкой» андеркласса. В условиях до-

¹ См.: [8, гл. 3].

¹ См.: [8, гл. 4].

² См.: [Там же, гл. 5].

минирования в социальной структуре «потенциального среднего класса»¹ мы оказались не ближе к гражданскому обществу, чем десятилетием ранее, а скорее, еще дальше.

Подобное нерыночное приспособление к рынку означает, что и формальные, и неформальные институты микроуровня находятся в «подвешенном» состоянии. Первоначальная (рубежа 1980–1990-х гг.) ориентация на американского *himself-made man*^а быстро захлебнулась, новая так и не сложилась. Задача поиска и пропаганды новых форм индивидуального хозяйственного поведения, соответствующих современному рыночному типу экономики, не только не решалась, но даже и не осознавалась. Те образцы поведения, которые рекламировались, при ближайшем рассмотрении часто оказывались антирыночными — вспомним хотя бы скандальную телерекламу МММ («сериал про Голубкова») или более позднее «мы тут сидим, а денежки идут».

Таким образом, институциональная трансформация домохозяйств России времен «ельцинизма» — это затянувшийся «бег на месте», когда качественные изменения постоянно откладывались «в долгий ящик». В этих условиях теневые экономические отношения на микроуровне становились, как и в странах «третьего мира», едва ли не единственно возможной стратегией выживания маргинализованного населения.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО БИЗНЕСА: ФИРМЫ — КВАЗИ-АГЕНТЫ КВАЗИ-РЫНКА

Отечественные фирмы — субъект экономики, который пришлось создавать почти на пустом месте. Если домохозяйства и государство были и в СССР, то фирмы в советской экономике могли существовать только полулегально (неформальные отношения в легальном секторе) или откровенно нелегально

¹ См.: [8, гл. 6].

(в теневом секторе). Полноценный легальный бизнес начал развиваться только в «горбачевский» период.

Жизнь современных фирм в развитых странах отличается следующими особенностями:

- в ходе «революции менеджеров» управление отделилось от собственности и стало анонимно-коллективным (это заметно даже в США, несмотря на культ «звезд» бизнеса);
- предприниматели и наемные работники рассматривают друг друга как равноправных партнеров, ищущих в конфликтных ситуациях взаимоприемлемые компромиссы (в Японии, правда, за ширмой партнерства во многом скрывается традиционный патернализм);
- конкурируя друг с другом, бизнесмены постоянно ищут новых деловых партнеров, сделки происходят в атмосфере взаимного доверия («честность — лучшая политика»), расчеты осуществляются через банки;
- преднамеренных нарушителей общепринятых «правил игры» наказывают официальные власти, они же совершенствуют сами правила и служат арбитрами в разрешении сложных конфликтных ситуаций (впрочем, в Японии публичным разбирательствам предпочитают неформальные соглашения, в том числе с использованием услуг мафии).

В ельцинской России почти все получилось «не как у людей» (если, конечно, под людьми понимать в основном евро-американцев).

Вместо гэлбрейтовской «техноструктуры» фирмами управляют «новые русские», что снижает корпоративный бюрократизм, но одновременно ставит эту «экономику физических лиц»¹ в чрез-

¹ См.: [8, гл. 8].

мерную зависимость от личной судьбы и прихотей «хозяина». Внешний контроль (со стороны акционеров, государства, партнеров по бизнесу) олигархи категорически не признают, в результате чего деятельность крупных фирм информационно непрозрачна. Сложилась «экономика инсайдеров»¹ — бизнес, куда допускаются только «свои».

Там, где труд и капитал должны были стать уважающими друг друга партнерами, воцарилась «экономика патернализма»² — неформальная полуфеодалская система с отношениями «мы, рабочие, ваши, добрый хозяин, верные холопы». «В постсоветском обществе, — указывают авторы коллективной монографии, — зависимость в отношениях рабочих и руководства стала носить преимущественно односторонний характер» [8, с. 377]: когда буквально все работники постоянно ходят под дамкловым мечом увольнения, они вынуждены забывать о своих формальных правах и надеяться лишь на «доброе барина» — на неформальное попечительство «начальства».

Для характеристики отношений между постсоветскими фирмами можно воспользоваться понятием «экономика недоверия». Это означает, что отношенческий капитал фирм (личные связи с контрагентами) гораздо важнее всех иных факторов — не обманывают лишь тех, кого лично знают, в отношениях же с «чужаками» господствует вседозволенность («не обманешь — не продашь»). Мир бизнеса стал миром личных неформальных сетей³.

Чем дольше длились реформы, тем реже фирмы использовали денежные формы платежей, погружаясь в «экономику бартера»⁴, где даже зарплату но-

рвят выдавать натурой. К 1996—1997 гг., когда бартеризация достигла апогея, по бартеру обменивалось до 3/4 всей промышленной продукции.

Что же касается конкуренции, то она развивалась в рамках «экономики олигополии», где хозяйственным развитием страны по существу управляла кучка магнатов-олигархов (одно время в ходу был даже термин «семибанкирщина»), а мелкий бизнес был слаб и дезорганизован¹.

Наконец, по части защиты прав собственности и вообще защиты правопорядка в России 1990-х гг. сложилась ситуация, которую ученые мужи называют «экономикой рэкета»², а обыкновенные люди — просто «беспределом». Это означает, что на обычного предпринимателя (не-олигарха) все глядели как на объект вымогательства, причем трудно даже сказать, кто «обдирает» сильнее — уголовный рэкетир или «рэкетир в мундире» (бюрократ-вымогатель). Для защиты своих прав бизнесмены были вынуждены обращаться не к государственным правоохранительным органам, а к бандитам, либо создавать собственные «дружины».

Российский бизнес 1990-х гг. стал, таким образом, противоречивым и не слишком удачным соединением черт американской, западноевропейской и японской моделей. Он очень «личностен», так что трудно сказать, где проходит грань между экономикой домохозяйств и экономикой фирм (черта, роднящая его с американской индивидуалистической коммерцией); он сильно зависим от государственного регулирования (как в Западной Европе и Японии); в нем сильны черты патернализма, причем мелкий бизнес развивается в основном вне поля зрения государства, а роль защитников прав собственности уголовные авторитеты выполняют не реже, чем легальные стражи порядка (как в Японии).

¹ К сожалению, данная характеристика не получила в коллективной монографии специального освещения.

² См.: [8, гл. 9].

³ См.: [Там же, гл. 7].

⁴ См.: [Там же, гл. 10].

¹ К сожалению, и эта характеристика не получила в монографии специального освещения.

² См.: [8, гл. 11].

Впрочем, нельзя сказать, что российская фирма только копирует чужой опыт. Оригинальной, свойственной только России особенностью стала тотальная бартеризация: чем дольше длились рыночные реформы, тем, казалось, меньше фирмы пользовались деньгами и тем чаще они прибегали к меновым операциям типа «шило на мыло».

В результате соединения экономики физических лиц, экономики патернализма, экономики недоверия, экономики бартера и экономики рэкета мир постсоветских фирм приобрел очень причудливый вид, где основные признаки современного рыночного хозяйства проявлялись через самоотрицание. Одним словом, фирменные структуры России 1990-х гг. напоминают рынок не XX в., а, скорее, докапиталистических эпох.

И все же именно фирмы остаются в новой России самым «продвинутым», прорыночным институтом. Самое главное, трудности их взросления уже вполне осознаны, по крайней мере, в отношении проблем рэкета и бартера. После кризиса 1998 г. бартеризация начала сокращаться. Относительно рэкета достаточно вспомнить хотя бы появившуюся летом 2001 г. социальную телерекламу «Административные барьеры опасны для экономического здоровья страны». Конечно, между словом и делом — дистанция огромного размера...

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ПРИВАТИЗАЦИЯ ВЫГОД, ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ УБЫТКОВ

Российское государство не один век сочетает две характерные черты. С одной стороны, оно казалось «единственным европейцем в России», т.е. наиболее европеизированным институтом «азиатского» общества. С другой стороны, в своей модернизаторской деятельности оно раз за разом применяло «варварские методы борьбы с варварством», в результате чего подданным почему-то не очень хо-

телось идти в тот рай, куда загоняют палками.

В начале 1990-х гг. ожидалось, что ельцинское государство, воодушевленное либеральной идеологией, сохранит первую черту, но сможет изжить вторую. При этом за желаемый образец предлагалось брать государственные институты современных развитых стран, которые выполняют в первую очередь функции защиты прав собственности, выработки «правил игры» и контроля за их выполнением. Что же касается непосредственного участия в хозяйственной деятельности, то полемика между кейнсианским дирижизмом и неоклассической критикой «дороги к рабству» постепенно перешла в спокойное обсуждение меры, эффективной для тех или иных конкретных обстоятельств. К сожалению, в постсоветской России вопрос о государственном регулировании решался либо в идеологическом ключе, либо чисто конъюнктурно, но в любом случае без стратегического осмысления проблемы.

Парадоксальное положение постсоветского государства заключалось в том, что оно выступало и главным ускорителем рыночной трансформации, и ее главным тормозом. И горбачевские, и ельцинские реформы были событиями, которые «широкие народные массы» в лучшем случае одобряли, но отнюдь не инициировали: в России (в отличие даже от стран Восточной Европы) не было и нет развитого гражданского общества, способного подчинять и направлять деятельность государства. Поэтому рыночная модернизация в нашей стране приняла привычный вид «революции сверху», когда «государственные мужи» разрабатывают и осуществляют такие реформы, которые выгодны прежде всего им самим. *Отчуждение государства от общества* в результате не снижается, а, скорее, растет¹.

Номенклатурная приватизация создала надежную преграду попыткам реставрации старой командной экономики,

¹ См.: [8, гл. 13].

но она же и жестко ограничила возможности развития рыночных сил. Советская номенклатура, которая по-прежнему поставляет основные кадры и бизнесу, и государству, в постсоветские времена полюбила частнособственнический капитализм, но все так же не любит конкурентный рынок.

Первостепенной функцией государства стало не конструирование эффективных «правил игры», а помощь бизнес-элите в первоначальном накоплении капитала при помощи интенсивного перераспределения — перераспределения собственности, перераспределения доступа финансово-промышленных групп к государственной «кормушке», перераспределения финансовых потоков между регионами. В результате наше «государство всеобщего перераспределения»¹ стало полем столкновения лоббистских интересов, на котором судья готов за взятку объявить победителем кого угодно, причем оспорить его решения практически невозможно. Правовое регулирование носило характер ad hoc; о социальных проблемах заботились ровно в той мере, в какой это необходимо для завоевания голосов избирателей, чтобы удержаться у власти или пробиться к ней; планирование имело очень малый горизонт (как правило, на год) и осуществлялось с неизменным расчетом на «авось» («авось» подорожает нефть, или дадут новый займ либо спишут часть старого долга).

Ельцинское государство попыталось забыть само понятие «общенациональные интересы», превратившись в результате в «государство всеобщего рентоискательства»². Это означает, что бизнес-элита рассматривает его как механизм получения особых льгот и привилегий, а сами политики — как способ сколачивания капитала, политического и материального. Численность самого государственного аппа-

рата и расходы на его содержание в сравнении с советскими временами существенно возросли. В связи с этим важно отметить, что громадный политический имидж В. Путина связан не столько с тем, что он делает и собирается делать, сколько с тем, что он не делает — он и его команда не воруют (по крайней мере, такова их репутация)! После ельцинских времен такая рекомендация ободряет истосковавшихся по честным политикам россиян как глоток воды в пустыне.

Постсоветское государство эпохи ельцинщины, таким образом, оказывается едва ли не самым слабомодернизированным компонентом хозяйственной жизни — оно слишком конъюнктурно, слишком заботится «о себе, любимом». Создания сколько-нибудь целостной и эффективной системы государственного регулирования российской экономики следует ожидать, как полагают авторы книги «Экономические субъекты постсоветской России», только в XXI в.¹

РЕЗУЛЬТАТЫ «ЕЛЬЦИНИЗМА»: О ТРУДНОСТИ ПОИСКА «ЧЕРНОЙ КОШКИ В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ»

Итоги проведенного авторами выше-названной книги исследования институциональных изменений 1990-х гг. можно сформулировать очень лаконично: *практически все они оказываются изменениями негативными*. Это суждение тем более основательно, что российские институционалисты из «Виртуальной мастерской» изучали в основном именно неформальные институты — не предписанные правила и формально-юридические нормы, а фактические ценности, рутины, практики и «правила игры». Увы, на данном этапе исследования проблемы, видимо, приходится согласиться с интерпретацией социально-экономической эволюции ельцинской России как

¹ См.: [8, гл. 14].

² См.: [Там же, гл. 15].

¹ См.: [8, гл. 16].

«недоразвитости через упадок», сочетания экономического спада с институциональной деградацией.

Характеристика событий 1990-х гг. как «прогрессивной рыночной модернизации» оказывается поэтому «не совсем» верной. По этому поводу вспоминается знаменитый афоризм Вольтера о средневековой Священной Римской империи, которая при ближайшем рассмотрении оказывается не священной, не римской и не империей. Так же и ельцинские реформы оказываются не такой уж прогрессивной, не очень-то рыночной и не совсем модернизацией.

Собственно, «виртуальные мастерские» не открывают Америки — они лишь обобщают те выводы по разным частным вопросам (о среднем классе, о бартере, о трудовых отношениях, о бюджетной политике...), которые рассеяны по многим ранее опубликованным работам. Отдельные штрихи слились в буквы, буквы сложились в слово, и это слово — «регресс». Кстати, среди зарубежных обществоведов мнение о регрессивном характере радикальных экономических реформ в постсоветской России уже стало в 1990-е гг. довольно распространенным¹.

Любопытно вспомнить, что сформулированная на основе теории систем гипотеза о неизбежности регресса при системных изменениях российской экономики была высказана в нашей стране еще до начала «ельцинских» реформ. В 1990 г. в «Теории катастроф» советского математика В.И. Арнольда рассматривалась теория перестроек для случая, когда общественная система находится в устойчивом состоянии, вблизи которого имеется лучшее устойчивое состояние (рис. 7) [11, с. 100–101]. Постепенное движение в сторону лучшего состояния, как отмечал В.И. Арнольд, сразу же приводит к ухудшению благосостояния населения, причем при равномерном движении к лучшему состоянию ухудшения будут какое-то время расти с ускорением. Хотя в конечном счете общество переходит от «административной системы» к «рыночной экономике», однако величина временного ухудшения благосостояния, необходимого для перехода в лучшее состояние, сравнима с финальным улучшением.

Общий вывод из гипотетической модели В.И. Арнольда таков: неизбежной платой за развитие «предприимчивости» должен стать сильный (хотя и вре-

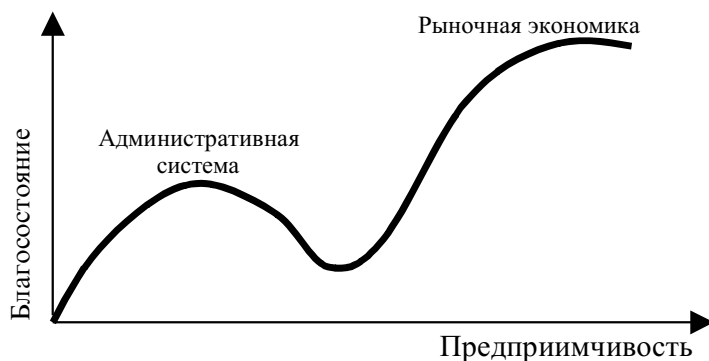

Рис. 7. Модель переходных социально-экономических процессов по В.И. Арнольду

¹ См., например: [9, 10].

менный) экономический спад, количественный регресс. Можно лишь пожалеть, что в годы «революции растущих ожиданий» практически никто не обратил внимания на этот предостерегающий прогноз.

Модель В.И. Арнольда — это, согласно нашей классификации, эволюция по типу «развитие через спад» (благополучие — индикатор роста, предприимчивость — индикатор развития). Однако, как следует из коллективной монографии «виртуальных мастеровых», даже такая интерпретация «ельцинских» реформ выглядит слишком оптимистично.

В модели В.И. Арнольда параллельно с временным количественным регрессом (падением благополучия) наблюдается непрерывный качественный прогресс (рост предприимчивости). К сожалению, пока так и не обнаружено такого параметра российской хозяйственной жизни, по которому можно было бы с высокой степенью уверенности судить о прогрессивном характере изменений. Что касается предприимчивости, на которую указал В.И. Арнольд, то эта характеристика слишком аморфна и неопределенна, чтобы можно было делать какие-либо корректные выводы о ее динамике.

Данная ситуация допускает три альтернативных объяснения.

Объяснение № 1 (пессимистическое). Радикальные реформы вызвали *цивилизационный слом*, подобно тому как «ломались», например, цивилизации ацтеков и инков под натиском испанских конкистадоров. Это означает, что новая экономическая система, которая возникнет на постсоветском пространстве, будет иметь совсем других цивилизационных субъектов — не нас, не россиян. Тогда прогрессивность «ельцинских» реформ заключается главным образом в том, что они «расчищают почву» для какого-нибудь грядущего Великого Китая (или Соединенных Штатов Европы).

Объяснение № 2 (умеренно оптимистическое). Позитивные эффекты радикальных экономических реформ проявляются с *большим временным лагом*, а «ельцинское» десятилетие — слишком малый срок. В таком случае позитивные качественные сдвиги будут заметны лишь спустя солидный (и неопределенный) промежуток времени¹.

Объяснение № 3 (весьма оптимистическое). На самом деле позитивные качественные изменения уже стали реальными, но экономисты и социологи до сих пор не обнаружили тех важнейших критериев, по которым надо отслеживать эти изменения. В таком случае главной задачей российского обществоведения должен стать поиск этих «икс-критериев». Данная задача, впрочем, напоминает поиск «черной кошки в темной комнате», поскольку нет никакой уверенности в том, что именно объяснение № 3 является истинным.

В любом случае можно согласиться, что предложенная «виртуальными мастерами» интерпретация «ельцинских» реформ является незавершенной и может рассматриваться лишь как первое приближение к истине. Отечественным институционалистам (и обществоведам вообще) настало время возвращаться к обсуждению макротeorетических проблем переходных процессов, продолжая тот подход, который намечен «Виртуальной мастерской Р.М. Нуреева».

ЛИТЕРАТУРА

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.
2. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 2001.

¹ Вопрос о том, не начались ли позитивные качественные сдвиги в «путинский» период, требует специального анализа, и в любом случае суждения об этом будут мало надежны из-за слишком близкой временной дистанции («лицом к лицу лица не увидеть»).

Россия 1990-х годов: недоразвитость через упадок или развитие через спад?

3. *Бузгалин А.* Переходная экономика. М., 1994.
4. *Аукуцис С.П.* Теория перехода к рынку. М., 1995.
5. Экономика переходного периода / Под ред. А.И. Колганова, В.В. Радаева. М., 1995.
6. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
7. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. М., 1998. С. 242.
8. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. (Эта книга почти сразу после выхода в свет стала библиографической редкостью, поэтому в 2002 г. планируется ее второе издание.)
9. *Olson M.* Why Is Economic Performance Even Worse After Communism Is Abandoned? Fairfax, Virginia, 1993.
10. *Ericson R.* The Post Soviet Russian Economic System: An Industrial Feudalism? (January 1999) // <http://www.hhs.se/site/Publications/No140-web.pdf>.
11. *Арнольд В.И.* Теория катастроф. 3-е изд. М.: Наука, 1990. С. 100–101.